

Завораживающие
детективы
**Виктории
Платовой**

Читайте новую книгу Виктории Платовой:

Что скрывают красные маки

А также другие книги в серии:

Такси для ангела

Хрустальная ловушка

Смерть на кончике хвоста

Ритуал последней брачной ночи

Победный ветер, ясный день

Битвы божьих коровок

Корабль призраков

Купель дьявола

Куколка для монстра

В тихом омуте

Любовники в заснеженном саду

Эшафот забвения

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**Эшафот
забвения**

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П37

Платова, Виктория Евгеньевна.

П37 Эшафот забвения / Виктория Платова. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 576 с.

ISBN 978-5-04-090607-9

Ассистент по работе с актерами у знаменитого режиссера — о таком повороте судьбы можно только мечтать! Для Евы жизнь начинается заново. Но... Оказывается, что и в кино убивают: одна за другой при загадочных обстоятельствах гибнут исполнительницы главной роли. Эти убийства объединяет одно — полное отсутствие мотива преступления. Все возможные версии выглядят неубедительными и позволяют подозревать каждого в съемочной группе. Разгадка приходит неожиданно и... слишком поздно. И тогда Еве приходится вступить в борьбу за собственную жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090607-9

© **Виктория Платова, текст,**
2018
© **Оформление.**
ООО «Издательство «Э», 2018

Все события и герои этого романа
вымышлены, любое сходство с реально
существующими людьми случайно.

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Сегодня девятнадцатое января.

Единственная дата, за достоверность которой я могу ручаться, сидя на цепи в этом страшном, давно умершем доме.

Я и сама давно умерла.

Я умерла так же, как и его хозяйка. В долгие часы одиночества я вяло думаю о том, что сделали с ее телом, как избавились от него: должно быть, здесь есть множество укромных уголков, которые могут послужить последним пристанищем, фамильным склепом, надгробной плитой. Запущенный маленький сад, подвал, второй этаж, любая из обшитых деревом панелей, каморка под лестницей.

Если бы мне пришлось выбрать — я бы выбрала сад.

Каждый день я говорю себе, что должна сообщить о своей последней воле своему нежному палачу, но все время забываю это сделать. Зато хорошо помню, что предшествовало моему появлению здесь. Моему роковому приходу сюда. Если бы я знала, что все закончится тихим помешательством, тихим ожиданием смер-

ти, если бы я только знала!.. Если бы я знала, что вся эта цепь смертей приведет меня к еще одной цепи, самой настоящей, с запаянными металлическими звеньями, которые я пересчитала во второй день моего пребывания здесь, — их ровно пятьдесят два, как неделя в году. По каждому из этих звеньев можно составить хронологию последнего года моей жизни. В его первой трети я жила совсем под другим именем и от этого имени уже совершила несколько преступлений. Потом, когда ко мне вернулась память, я с ужасом отказалась от него, я бежала от него, я не захотела быть орудием в руках капитана Кости Латицкого, моего иезуита-куратора из спецслужб. Я вернулась к слепому, прикованному к инвалидному креслу художнику Серге Каныгину, единственному, кто мог принять меня, не задавая лишних вопросов. Единственному, кто вообще мог принять меня. И каждый день ждала возмездия. Но оно так и не пришло.

Тогда.

Последующие несколько месяцев я работала в видео-прокате днем и оглушала себя фенобарбиталом ночами. Я почти полностью поседела, хотя мне нет еще и тридцати, я забросила свое собственное лицо, бывшее когда-то таким привлекательным... Теперь, каждый день ожидая конца, я даже не думаю о нем, я не вспоминаю его... Я вспоминаю лишь октябрь, месяц, когда начался весь этот кошмар, — середину октября, тридцать восьмое звено в стальной цепи, на которой я сижу.

Тогда я открыла дверь, протиснулась в нашу узкую прихожую и...

* * *

...Я открыла дверь, протиснулась в нашу узкую прихожую и, как всегда, постояла несколько секунд, упершись лбом в плакат «Советское реалистическое искусство 30—50-х годов». Привет, привет, «Будущие летчики» с торжеством детских упругих задниц, вам хорошо живется в конце тридцатых, и ваше море навсегда останется синим. Синим, несмотря на то, что плакат с «Будущими летчиками» Дейнеки пожелтел и загнулся по краям. Серьга купил его в Центральном Доме художника много лет назад. Ему всегда нравился безыскусный фотографический реализм, зеркальное отражение его ясных представлений о мире. С некоторых пор я тоже стала частью его мира, сумрачной сестрой милосердия при парализованном слепом художнике. Нужно отдать Серьге должное; он никогда не теряет присутствия духа — даже тогда, когда я брею его (раз в неделю, не чаще, его куцая китайская бородавка просто не успевает вырасти). Даже тогда, когда я, как ребенка, купаю его в ванне (два раза в месяц, не чаще, он ненавидит эти дни — второй и четвертый понедельник). Он не потерял присутствия духа и тогда, когда я рассказала ему обо всем, что произошло со мной, спрятавшись за двумя бутылками водки, как за штормкой в исповедальне. Только в одном я не смогла ему признаться — в смерти Алены Гончаровой, единственной женщины, которую он по-настоящему любил: это было бы слишком для его невидящих глаз и омертвевшего тела. В конце сентября мы даже отметили день ее рождения: бутылка шампанского при свечах (тех самых, немецких, украденных

мной в супермаркете), — испытание не для слабонервных, сплошное настоящее время, я избегаю говорить об умерших в прошедшем, разве что только о себе...

— Это ты, Ева? — крикнул Серьга из кухни. Обычный привкус страха в голосе — он все еще боится, что в один из дней я уйду и не вернусь. Он все еще боится этого, дурачок!

— Нет. Это покойная Роми Шнайдер, друг мой, — мрачно ответила я.

Наш ежевечерний «подкидной дурак» состоял из засаленной колоды известных актрис, у всех оттенков моего настроения были имена. Серьга сразу усвоил правила этой нехитрой игры и в зависимости от имени, которое я тыкала ему с порога в зубы, вел себя соответственно. Самым предпочтительным было «Анук Эме»: я в относительном порядке, могу подровнять затылок тупыми ножницами и даже готова почитать Серьге на ночь главу из Микки Спиллейна. Потеряв способность двигаться, Серьга пристрастился к тупоумным остросюжетным детективам, где такие же тупоумные герои рвали «колыт» с португеи и, прежде чем пустить пулю в голову несчастному наркодилеру, разражались плоскими сентенциями о дьяволе и десяти заповедях. Сегодня Микки Спиллейна не будет, «покойная Роми Шнайдер» не оставила Серьге никаких шансов на волнующий библиотечный вечер. «Покойная Роми Шнайдер» — крайняя степень моего недовольства жизнью: накануне я выжрала две последние таблетки фенобарбитала, и теперь мне придется провести несколько кошмарных бессонных ночей, прежде чем Серьге выпишут очередную дозу снотворного (я безза-

стенчиво пользовалась его рецептами, сам Серьга любому успокоительному предпочитал стакан марийского самогона).

— Роми Шнайдер плохо кончила, — трусливо отозвался Серьга из-за кухонной двери. — И вообще, у нас гости.

Гости посещали нас крайне редко. За три месяца всего лишь несколько человек, включая патронажную сестру, за которой неугомонный Серьга пытался приударить. Одни и те же лица сильно пьющих художников-неудачников, снимающих углы у старух, одна и та же водка, одни и те же макароны по-флотски, визитная карточка нашего бедного дома. После набегов каньгинских товарищей по кисти обычно пропадали носильные вещи или посуда — в зависимости от пристрастий гостей и их материального положения. Только один человек выпал из этой вероломной обоймы — кроткий режиссер-документалист Гоша Полтораки: он не стянул ничего, но оставил после себя тягостное ощущение близкого конца.

— Типичный неврастеник, — резюмировал Серьга после его тихого ухода, похожего на исход, — суицидник-психопат, внучатый племянник намыленной веревки. Я его от смертоубийства с прошлой Пасхи уговариваю.

Больше Гоша в нашем доме не появлялся: должно быть, покончил с собой в канун какого-нибудь православного праздника...

...Парня же, который теперь сидел на кухне, я видела в первый раз.

— Знакомься, Ева. Это Федя Бубякин, друг покойного Вольдемара, — светски представил нас друг другу Серьга.

Друг покойного Вольдемара, Володьки Туманова, в свое время повесившегося на струне от карниза не без моего участия. Прошлое все-таки решило добить меня. Я посмотрела на Бубякина с откровенной неприязнью.

— Приятель. Только приятель, — выгнув губы, поправил Федя, порочно-красивый молодой человек, типичный дамский угодник со склонностью к мелкой тирании. Понять это было несложно, стоило только взглянуть на его физиономию. Именно такого опытного образца не доставало нам в нашей однокомнатной кунсткамере.

— А это Ева. Я тебе о ней говорил. Ева — мой ангел-хранитель.

— Похожа, — процедил Бубякин, неприязнь была обоюдной, я это видела.

— Не вздумай к ней клинья подбивать, — предупредил честный Серьга, — удавлю.

Бубякин хмыкнул: никому и в голову не могло прийти подбивать ко мне клинья — седая, плохо стриженная голова, общий абрис хозяйки приюта для бездомных животных, у таких женщин не бывает шансов.

— Не волнуйся, Серж, постараюсь держать себя в руках, — сказал он, вложив в реплику всю иронию, на которую был способен.

— Давно заседаете? — хмуро бросила я только для того, чтобы что-то сказать: судя по нескольким бутылкам водки и засохшим кускам колбасного сыра, скромное застолье продолжалось несколько часов.

— Выпей с нами, — попросил Серьга.

— Точно, — оживился гость, — едет чижик в лодочке, давайте выпьем водочки!

Вняв призыву, я вытащила из мойки граненый стакан, в полном молчании налила его до краев и выпила, даже не поморщившись. Ну, что скажешь, Федор Бубякин, друг покойного Вольдемара?

— За знакомство, — произнесла я и утерла губы.

Бубякин крикнул, как будто водку выпила не я, а он сам, неприязнь в его глазах сменилась чем-то отдаленно похожим на восхищение: черт возьми, я все еще могу поражать людей. Пусть даже и таким экстравагантным способом.

Не давая ему опомниться, я снова разлила водку — теперь уже на троих — и смело чокнулась с Серьгой и Бубякиным.

— Чему обязаны визитом? — Длинный список украденного нехитрого скарба не давал мне расслабиться, за такими гостями нужен глаз да глаз.

— Федька на «Мосфильме» работает, ассистентом художника. Он несколько моих старых работ просит, им для съемок нужно, — радостно сообщил Серьга, — напрокат.

— Каких именно? — подозрительно спросила я.

— Ну, ты их знаешь, — в голосе Серьги послышались нотки беспокойства, — «Шекспир на сборе хвороста», «Шуты и кардиналы»... Ну, и еще пара вещей. А што?

«Шекспир на сборе хвороста», надо же, только этого не хватало! Стилизованный, написанный в отвязной каныгинской манере, Шекспир с маленькой собакой у маленьких, измученных плоскостопием ног несколько

раз спасал меня от самоубийства. Лишиться этой картины вот так, за здорово живешь, я просто не могла.

— Да нет, ничего. — Я откинулась на спинку стула и пристально посмотрела на Бубякина, сохранявшего непроницаемый вид. — Только это очень дорогие картины. Я бы на твоём месте, Серьга, хорошенько подумала, прежде чем отдавать их в сомнительные руки. Можем навсегда с ними проститься.

— На что это вы намекаете, миледи? — запоздало оскорбился Бубякин. Очень мило, ещё одно обращение, не забыть бы занести его на последнюю страницу видеопрокатной тетради...

— Я не намекаю. Я говорю открытым текстом, — поправила я. — Как хочешь, Серьга, а картины я не отдам. Ты хорошо знаешь этого типа?

— Я попросил бы вас...

— А ты заткнись! — Я оборвала Бубякина, решив до конца отстоять свой шкурный интерес. — Ты хорошо знаешь его, Серьга?

— Ева, ты што?! Федька классный мужик, мы с ним не один литр самогонница приговорили, — вдохновенно соврал Серьга.

— Ага-ага, из тех людишек, которые под этот самый самогоннице скупали у тебя картины за бесценок. — Покойная Роми Шнайдер крепко держала в руках вожжи моего плохого настроения.

— Да ладно тебе, — Серьга нащупал мои пальцы и примирительно сжал их, — скажешь тоже, за бесценок. Я ведь не алеут какой-нибудь, которому консервную банку за пушнину всучили. Не надо меня на ноль множить.

— А почему тебе нужны именно эти картины? — спросила я Бубякина. — Нельзя было обойтись экзерсисами дипломника ВГИКа? Или «Черным квадратом» Малевича, на худой конец? Для заднего плана любое цветное пятно сойдет...

— Я смотрю, твой ангел-хранитель подрабатывает кандидатом искусствоведения! При чем здесь пятно, миледи? Важно не пятно, важна концепция. Важна живописная деталь, которая играет на общий замысел, — снисходительно пояснил Федя.

— Ты, случайно, не у Гринуэя в съемочной группе подвизаешься? — высказала предположение я, мобилизовав весь свой полузабытый киношный опыт. — Это только он Северным Возрождением честному обывателю мозги парит. И цитатами из Лукаса Кранаха Старшего.

— Повышаю тебя до докторов искусствоведения, — Федя наконец-то освоился с моим ерническим тоном и вернул подачу, — а раз так, то тебе должно быть известно имя Анджея Братны.

— Это еще кто такой? — Я слукавила, конечно же, я слукавила. Я знала это имя.

...Несколько недель назад вместе со Спиллейном для Серьги я купила последний номер «Искусства кино» для себя. Просто так, польстившись на превосходную полиграфию, а еще больше — на лицо с обложки.

Лицо Анджея Братны.

«Последний император» Большого стиля», — гласила самоуверенная, тисненая золотом надпись. Блудливые киноведы из редакции журнала, обычно склонные к апокалиптическим преувеличениям, на этот раз попа-